

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д36

В оформлении обложки
использованы иллюстрации *OlgaTereshenko*

Д36 **Дербоглав, Евгения.**
Доктор гад / Евгения Дербоглав. — Москва : Эксмо, 2022. — 320 с.

ISBN 978-5-04-169437-1

Изменив судьбу одного лишь человека, путешественник во времени Дитр Парцес обнаружил, что весь ход истории пошёл наперекосяк — Конфедерация гниёт изнутри, погрязла в бандитизме и коррупции, а посмертие предков решило наказать разлагающееся государство страшным туманом, в котором сходят с ума и гибнут люди.

В этом тумане Парцесу предстоит отыскать путь к странному сердцу проклятого человека, потерявшего семью, репутацию и рискующего вдобавок лишиться рассудка, — гениального изобретателя Роформа Ребуса. Ведь только он один способен избавить страну от гибельной тьмы.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-169437-1 © Дербоглав Е., 2022
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

«А вдруг всё то, что ищем,
обретается при вскрытии
телесного родного дорогоого себя?»

E. Летов.
«Вселенская Большая Любовь»

1. Бракованный

Исследовательская группа «Чистка-1008» засела под одним из куполов красивого Дворца Прогресса в самом центре Кампусного Циркуляра. В лучшее время купольные залы занимали те, кому нужно было много света, но теперь, с этим туманом, блёклый день только мешал, и купол закрыли изнутри тканью и зажгли люстры.

Люди в чёрном мельтешили у досок, столов с папками и банками проб с туманом. В Конфедерации любили символику цвета, и поэтому всемирщики, как и полагается интеллектуалам, носили чёрное. Серый — другое дело. Это цвет пустоты, а пустота — это начало, она же — конец. Серый носили мелкие чиновники и солдаты, новорождённых пеленали в серое, прежде чем отдать матерям, новобрачных наряжали в серые рубахи, прежде чем проколоть им уши, трупы заворачивали в серое полотно,

прежде чем отправить на кремацию. Эдта Андеца, чиновница одного из самых мелких рангов, носила мундир с серым лацканом. Она ненавидела серый цвет.

Шеф исследовательской группы, ол-масторл Сафл Лерэз, жаловался на непогоду, потирая моложавый учёный лоб холёной ладонью.

— Какова глушь! — он кивнул на купол, за которым клубился туман, такой густой, что его можно было принять за дым от пожара. — А ведь мы на третьем этаже и речка далеко! Но, сдаётся мне, природные, телесные правила, по которым живёт обычный туман, не действуют на этот.

— Так и есть, мастерол, — проговорила дама, отвечающая за исследование географии тумана. — Коллеги из агломераций пишут, что он собирается в тех местах, где обычно сухо. Близость воды или низина тут никак не влияют. Есть лишь одна закономерность — туман там, где живут люди. Где людей нет — нет и тумана.

— А он преследует людей? Перемещается? — поинтересовалась Эдта.

— Мы выслали группу коллег на пустыри в Окружных землях, — кивнула учёная. — И оставили на старой водонапорной башне на границе городка ещё одного человека с подзорной трубой. Он наблюдал, как по пустырю, почти свободному от тумана, люди двигались в облаке тумана. Оно перемещалось вместе с ними, пока они шли. Потом эксперимент повторили с изменениями — люди шли не группой, а по одиничке на расстоянии друг от друга, и...

— Спасибо, мастерола, — прервал коллегу Сафл. — Надеюсь на ваш подробный отчёт в письменном виде и доклад в конце квинера. Отличная работа была проделана, благодарю.

Дама, слишком уставшая, чтобы раздражаться, уткнулась обратно в свои карты и бумаги, а Сафл повёл Эдту к

временной ленте. Чтобы уместились все материалы, пришлось сдвинуть в ряд несколько столов, на которые постелили ткань с нанесёнными отметками по годам, — от окончания войны до нынешнего года. Каждый год, как водится, случалось что-то плохое, и из всего плохого нужно было найти события, повлиявшие на концентрацию негативного одушевления во всемире, которое теперь выливалось на них масштабной бедственной чисткой в форме тумана. Здесь были катастрофы, шпионские, коррупционные и репутационные скандалы, маньяки, банды. Ол-масторл распорядился также добавить материалы по «сомнительным изобретениям и открытиям», и поэтому они лежали здесь же — номера «Ремонтника» и других газет, освещавшие изобретение душескопа, а ещё — недавний успех лобби всемирных контрактов о доброкончании. Эдте совершенно не нравилось, что сюда вмешивают деятельность её бывшего мужа.

Она была всего лишь консультантом от Министерства ценностей, и её задачей было высчитывать траты на уменьшение разрушительных последствий тумана на благосостояние Конфедерации в соответствии с выводами учёных. Но Сафл посвящал её практически во всё. Эдта полагала, что он просто хочет с ней переспать.

— Я не думаю, что этому здесь место, — заявила она, кивнув на стопку с табличкой «Вс. к-т о доброконч., год тысяча семь».

Сафл поглядел на неё снисходительно, как стареющий богач на молоденькую сдержанку, которая опять завела свою песню, чтобы он развлёлся с женой. Но вместо того чтобы заявить, что её думать об этом не просили, сказал:

— Милая госпожа Андеца, видите ли, я собираю здесь все события, имеющие всемирный отголосок. А что, как не прямой диалог группы учёных со всемиром, вылив-

шийся в принятие телесного закона, повлияет на текущее одушевление? У данного лобби были последствия...

— Моя сестра рассказала мне, какие там были последствия. Она как-никак шеф-глашатай полиции и напрямую за это отвечала. Да, первое время действительно были те случаи — когда врачи за взятку устранили неудобных наследников, младенцев и стариков под видом добропончания. Но Леара сочла нужным очень ярко осветить это в прессе, что бывает, если нарушить контракт. Таких случаев было всего двадцать пять до информационной кампании и четыре после. Глашатаи отбили у людей желание заработать гнилым способом. Врачи-убийцы, без сомнения, растворились подлостью и жаждой стяжательства, однако этого недостаточно, чтобы изувечить всемир так, чтобы он ответил туманом. Поэтому я не считаю, что этому здесь место.

Сафл ещё несколько секунд ухмылялся, а потом повернулся к коллегам:

— Господа, уберите, пожалуйста, всё, связанное с контрактами о добропончании.

Всемирщики смерили Эдту презрительными взглядаами, но приказ шефа исполнили.

— А взрыв на площади...

— Туман после него усилился, госпожа, — сказал один из ассистентов.

Эдта не возражала. Она просила сестру показать ей человека, взорвавшего площадь, та отказалась, дала лишь словесный портрет и то, чего не освещали публично, а лишь в деле и на процессе — его условное имя, некий Дитр Парцес. У Эдты это в голове не укладывалось. Площадь должен был взорвать совершенно другой человек. Она же ясно видела.

Случай с площадью отдельно не разбирали, приобщив его к катастрофе. Пока что группа «Чистка-1008» мало

чего добилась. Они копали не в том месте, исследовали не те события. Гадюшник, в который сейчас превратилась Администрация, — вот что травит всемир, а не какие-то единичные маньяки, пойманные десять лет назад. Бандиты имеют своих людей в полиции, Префект готовит себе вечный пост, сговорившись с группой министров, страна жертвує государственными интересами ради выгоды нескольких человек.

Эдта видела, во что это всё выльется, — Эдта видела наперёд, далеко и ясно. Но сказать ничего не могла, потому что признаться во врождённой прорицательской даль-нозоркости означало нажить кучу проблем себе и своей семье. Если б не Эдта, не была бы Леара шеф-глашатаем полиции и её муж не стал бы важной шишкой в Министерстве границ. Лирна Сироса не умерла бы богатой да-мой, не был бы запатентован душескоп, прославивший её сына. И страна не была бы готовой к туману.

Но туман скрывал видимость, путал временные узоры, делал их какими-то рваными. После недавнего события — взрыва на площади Розового неба — всемир будто бы вовсе сошёл с ума, разобраться было невозможно. Эдта жила старыми видениями, которые сумела распутать ещё до тумана, и примерно представляла себе, что будет даль-ше. Знала она лишь конец, но не хотела такого конца.

— Дорогая, вам нехорошо? — ол-масторл дотронулся до её руки, которую Эдта тотчас же поспешила спрятать в складках юбки. — Я бы посоветовал вам выйти на улицу, но там сейчас... — он снова кивнул на окно.

— Я выйду покурю, — сказала Эдта. Она не курила.

Кампусный Циркуляр, где располагались все центры исследований, сейчас казался глухим и пустым, хотя студенческому району положено быть самым шумным во всей Конфедерации. Поэтому никто не смотрел на женщину,

прислонившуюся к одной из кариатид входной группы Центра исследований в Кампусном Циркуляре. Некому было смотреть — туман разогнал обитателей по общежитиям. Не было слышно пьяного пения и смеха, никто не нёсся гурьбой к реке, чтобы посмотреть, как по воде пускают бумажные кораблики со свечками в честь открытия сезона парусных гонок. Стоял давний и сплошной штиль, и паруса были такими же хмурыми, как и лица студентов. Обычно в это время Аграрный департамент объявлял о начале лета, но лето так и не наступило, и столица уже терп судорожно дышала вечной весной, словно больной в одиночной палате.

— Вам явно не по себе, — на улицу следом за ней выскользнул шеф исследовательской группы. — Это ваша семья, да? — ошибочно предположил он.

— Да, — соврала Эдта. Эдта умела врать. Она долгое время была женой душевника и умела врать даже доктору Роформу Ребусу.

— Я очень вам соболезную, дорогая. Если вы хотите... — начал Лереэ, и тут Эдта не выдержала и впилась взглядом в его зрачки.

Нельзя было этого делать. Лереэ всемирщик и знает, что происходит. Прикосновение прорицательской сущности он отличит без ошибок.

Золотые нити сплетали на шее Сафла Лереэ его собственные ладони, он душил сам себя. Во тьме позади него, что ещё не наступила, ощущался кто-то до боли знакомый, только в тысячу раз хуже — точно так же, как и недавно на площади. Кусок тьмы. Тот, кто придёт убить.

— Эдта, это вы делаете?! — Лереэ отмахнулся от её взора, и теперь они снова оба находились на радиусе Кампусного Циркуляра.

— Что именно? — Эдта нахмурилась и повела краем рта. Эдта Андеца умела врать.

— Неужто показалось? — пробормотал всемирщик, потирая лоб широким рукавом тальмы. Ему не показалось. Он почувствовал то, что чувствуют все они, — пульсирующую пустоту в зрачках и стук нездешнего сердца. — Нет, конечно. Показалось. Я тоже устал, надо бы домой. Я останусь ещё на час, смогу вас довезти на своём экипаже, ходите?

Эдта вежливо отказалась. Лерэ довезёт её — к себе домой, а она пока не была готова к новым мужчинам. Едва она начинала думать о других, дырка в ухе, оставшаяся после развода, начинала ныть.

Но хуже всего было телу, скрытому одеждой, подумала она уже дома, стоя голая перед зеркалом. Она была в своей комнатке доходного дома дамского общества, где жила после развода. Здесь было пусто — лишь пара книг да сменный мундир, больше ничего она себе не оставила. Хотела ещё забрать кота, но Роформм вцепился в зверя клещами и орал, что за кота будет с ней судиться, и Эдта махнула рукой. Она и так отняла у него всё тепло, забрать Паука было бы совсем жестоко даже по отношению к такому чудовищу.

Телу было хуже всего. Эдта провела руками по животу в мелких царапинах, встала спиной и, извернувшись, стала изучать в зеркале следы от ремня. Их было гораздо меньше, чем Эдта заслужила. Она очень многое видела и знала — и при этом ничего не делала. Ибо как жалкая мелкая чиновница может остановить грядущее зло? Она может только от него сбежать — и то недалеко, всего-то из Технического в Циркуляр Артистов.

Она даже сбежать не смогла, поняла она, стегая себя по спине. Она никуда не сбегала, осознала она с особенно сильным ударом. Было совершенно не больно, но Эдта плакала под свист ремня. Пусть ремень раздерёт спину

в мясо. Тело несло наказания за всё, о чём молчала Эдта Андеца, о чём она говорила кому не надо, действуя из одной своей глупой, никчёмной любви. Всё было впустую. Она отбросила ремень, упала на колени и, утопив лицо в ладонях, беззвучно разрыдалась.

* * *

— Давно я не видел такой тёплой и светлой упорядоченности, — признался шеф-душевник и прикоснулся губами к его лбу. Целовал в лоб он только здоровых при выписке. Человек, которого полиция передала им под обозначением «условный Дитр Парцес», вдруг дёрнулся и вскрикнул, и Роформм отпрянул — на миг ему показалось, что глаза у человека покернели, но, скорее всего, то была игра света газового ночника. — С вами всё хорошо? Разумеется, странный вопрос, — он через силу ослабился, — тому, кто находится в душевном приюте по решению суда.

— Нет, омм, не всё хорошо, — Дитр Парцес улыбнулся почти так же, словно насмешливое зеркало. — Который сейчас час?

— Где-то около полуночи, — Роформм достал часы из кармана. — Без четверти полночь, — ответил он и увидел, что Парцес заинтересованно глядит на его часы. Южане при виде механизмов, даже таких обыденных, как часы, сразу отвлекались, лица у них светлели. Парцес, судя по говору, явно вырос в Гоге и исключением не был.

— Хорошие часы.

— Друг подарил, — Роформм протянул ему часы, и Парцес стал изучать хронометр и крышку с гравировкой «Эллигэр, будь человеком. Джер Т., год тысяча четырёх». Джера больше не было, зато часы и не думали ло-

маться. На День Начала Времён южане останавливали часы за пять минут до начала очередного года, чтобы в торжественный момент под вопли «Вперёд, прогресс!» за-вести часы снова. После того, как Джер погиб при крушении «Безмятежного», Рофомм повадился останавливать часы в праздничный день, правда, о прогрессе не кричал. Тому, кто отважился бы назвать его сентиментальной гранейской башкой, он отгрыз бы лицо. Терять друзей в двадцать семь лет — такое он пожелает только врагу. Но врагов у него не было.

— Эллигэр? — спросил Парцес, возвращая часы.

— Глагол «эллиг» означает «любить» безотносительно телесности, — тихо объяснил Рофомм. — На варкский он переводится скорее как «дружить», но «эллигэр» означает любимого, друга, того, кто дорог. Корректно обращаться так к супругам, родственникам, лучшим друзьям — ну и к кошкам, если вы любите кошек, конечно. Странно, что к вам так не обращалась жена. Откуда была ваша жена? Простите, мы с коллегами осмотрели ваши вещи и обнаружили вышитый платок. Нам невесты перед свадьбой вышивают кушаки, но вы кафтанов не носите и кушаков тоже, поэтому в ход идут платки. Я заключил, что ваша жена была моей соплеменницей. Платок вернул на место. Простите.

Парцес спокойно кивнул, давая понять, что прощает.

— С юга Акка. Но она была довольно ассимилирован-ная да и вообще только наполовину гранейка, а наполови-ну — варка. Поэтому меня она так не называла.

Рофомм по-змеиному наклонил голову, разглядывая вдвоем серьгу в ухе Дитра Парцеса. Где-то под давно не стриженными волосами его собственное ухо, которое он порвал после развода, вместо того чтобы аккуратно вытащить оттуда серьгу, заныло душевной болью. Ухо ему

тогда зашивал Шорл Дирлис, ругая его на чём свет телесный стоит идиотом, который развестись по-человечески не может.

— У вас — друг, — внезапно заявил Парцес, на миг показавшись удивлённым.

— Был. Погиб два года назад. А у вас была жена, — Рофомм притронулся к его уху, отчего Парцес отпрянул, подозрительно сверля его серыми, как туман, глазами. — Жена-гралийка с нежным лицом, которое вы наверняка могли гладить и целовать часами. Я видел, — он провёл пальцем по своему лбу, — как вы её любили. В вас много нерастраченной нежности, господин Парцес.

— Как видели? — резко спросил он. — Через этот душескоп?

— Нет же, я не видел вашу суть через душескоп. Через ваши ночные кошмары, — Рофомм болезненно нахмурился. — Я же сказал, что избавляю вас от ночных кошмаров...

— И потом смотрите их сами? — догадался Парцес, вдруг скривившись. Он быстро понял, в отличие от других. Кошмары не девались никуда, не растворялись во всемире, когда он вытаскивал их из бессознания пациентов. Кошмары он пожирал своей грохочущей душой и затем видел сам — каждой страшной ночью. — Вы не боитесь... — Парцес запнулся, покосившись на коробок спичек, который Рофомм всё ещё сжимал в руке, — сойти с ума?

Шеф-душевник тихо и шипяще рассмеялся, следом за ним захмыкал и Парцес.

— Господин условный, — Рофомм перестал улыбаться. — Я обесчеловечиваюсь змеиной формой, я уже ничего не боюсь. Однажды я просто не вернусь в человечий облик и уползу в небытие — с этим я уже смирился. Ино-

гда, — он поднёс коробок к глазам Парцеса, — я чувствую, что я больше не здесь, что я больше не ощущаю своего разума, и тогда... — он грохнул спичками. — Но иногда и это не помогает. И я обесчеловечиваюсь. Но это мой выбор. Не будь я проклят, я бы не смог изобрести душескопа...

— Вы изобрели душескоп, — сказал Парцес тем же тоном, каким недавно говорил о том, что у Роформа был друг.

— Не понимаю, чему вы удивляетесь...

— Я нисколько не удивляюсь, что *вы* изобрели душескоп, омм Ребус.

— Я бы не изобрёл душескопа, с помощью которого Равила сможет избавить вас от мрака, — продолжил он. — Я проклят по своей воле — в отличие от вас. Как умерла ваша жена? — вдруг спросил он, сбив Парцеса с толку. Тот растерянно моргнул, но тут же собрался и ответил:

— Давняя болезнь. Хроническая, наверное. Не хочу об этом...

— Люди нашей национальности не доживаются до полновозрелого возраста, если у них наличествуют хронические заболевания, уж не спрашивайте почему, — Роформм грустно дёрнулся ртом. — Вы сейчас наврали, потому что ваша пустяк даже тысячекратно ассимилированная жена гралейского происхождения умерла менее принятым образом, нежели от болезни. Будь там самокончание, я бы почувствовал вину — о, я всегда хорошо чувствую вину у вдовцов! — но в вас нет никакой вины, лишь нечто глухое, колючее... — он говорил всё тише, наслаждаясь тем, как Парцес, которого вывели на чистую воду, вжимается в подушку. А потому что нечего было запускать свои полицейские щупальца в его душу, нечего было корчить из

себя всемирщика и лезть в его прошлое время, как то сделал Парцес несколько минут назад. От доктора Роформа Ребуса ещё никто не уходил, не сознавшись в своей боли. — Это же ненависть, да? Вы созданы для ненависти, недаром вас так называли, Дитр.

— Я не верю в то, что имена влияют на мировоззрение человека, омм, — бесцветно ответил Парцес. — И мое имя означает не «ненависть», а «ненастье». Шторм, если хотите.

— Это на вашем наречии оно означает шторм. Соседи-церлейцы переводят слово «дитере» как ненависть — природную или людскую, неважно. Пришлось выучить церлейский, — объяснил он, — когда готовился к поступлению на медицинский. По исследованиям их учёных палачей. Мне помогал отцовский военнопленный, которого он привёл в год... — он улыбнулся, по привычке наркомана ушипнув себя за носовую перегородку, а Парцес молчал и хмурился. — А впрочем, какая разница?

Доктор спокойно встал с края его кровати и прошёлся к шкафу. Она висела там — та самая кожаная куртка, на каждый ноготь напичканная сталью. Сталь-то и остановила пулю, и лишь дырка от неё уродовала кожу и ткань в области сердца. Так эту куртку мать и описывала. А ещё она говорила, что *тому человеку из ниоткуда* было тяжело кашлять, чихать и смеяться — явные признаки травмы груди, которую мать не видела. А травма, гигантская гематома, между тем была — она фиолетово темнела под золотистыми волосами на груди условного господина Парцеса.

— Я изучаю проклятия всемирного свойства, Дитр, — он провёл длинным пальцем по дыре на куртке, — по понятным причинам мне это близко. Помимо хорошо знакомого мне проклятия обесчеловечивания есть ещё

много всякой запредельной дряни — семейные проклятия, изводящие поколение за поколением, проклятые места, в которых уродуется все живое, ну а ещё — так называемый «вдовий бред», как его прозвали на моей исторической родине. Как правило, страдают им люди, потерявшие близких, — озлобленное от горя одушевление покойного отказывается растворяться и преследует живого супруга, иногда вредит его новым возлюбленным, может даже убить. Но это же ерунда, которая не может разрушить площадь. Да и к тому же ваша красивая жена разве на такое способна после своей смерти?

— Нет, — отрезал Парцес, раздражённо прищурившись.

— Конечно, нет, — успокоил его Рофомм. — Женщины вообще — даже гралейки... из моей практики... неспособны на столь масштабную всемирную злобу. Поэтому они мне и нравятся больше нас. Нет-нет, ваша жена лишь нежностью вас одушевила, растворившись во всемире, это не её посмертие разрушило площадь. Я изучаю проклятия — я знаю, что не только вдовцов преследует паразитическое одушевление. Множество случаев было после трибунала Войны Высоты — казнённые гралейские офицеры мстили своим палачам за расстрел, в армии началась настоящая мясорубка. Они просили повесить их, а не расстреливать в голову, чтобы не портить черепа, но по всем правилам просвещённой бюрократии их расстреляли. А наши соплеменники упрямые даже после смерти. Вы читали о разрушении Высотной Марки, где проходил трибунал? Всемирщики до сих пор спорят, что там стряслось, но есть довольно крепкая теория, что это сделали неупокоенные дезертиры гралейского происхождения. И я вот что заключил,уважаемый, — Рофомм потряс курткой. — Некто очень сильный, крайне упрямый и

бесконечно злобный убил вашу жену, а вы решили с ним поквитаться. Он попытался вас пристрелить, но... — Рофомм постучал по куртке, явственно ощущая металлическую пластину под плотной серой кожей, — вы успели первым. И теперь он от вас не отстанет. Он вас ненавидит, а вы отвечаете ему полнейшей взаимностью, ведь вы так хорошо умеете ненавидеть. Вы двое будете цапаться, рушить площади и жизни, пока кто-нибудь вас не убьёт. Вас обоих. Так ведь? — он триумфально скривился. — Дитр, отвечайте честно. Я и мои коллеги — единственные люди во всей Конфедерации, которые могут вам помочь. Так?

— Так, — Дитр Парцес спокойно выдохнул, но Рофомм ему не верил.

— Точно так или примерно так? — не отставал шеф-душевник. — Шеф-следователь по делу разрушения Площади Розового неба охарактеризовал вас как замкнутого и крайне хитрого типа. Поэтому я склонен думать, что половину вы не говорите, а половине того, что вы говорите, верить не стоит. Кто вы такой, условный господин Парцес? — Рофомм положил куртку на стул около кровати и навис над бывшим заключённым. — И почему за тридцать лет, с тех пор как вас в последний раз видела некая госпожа Сироса, вы не постарели ни на год?

Ему в силу профессии доводилось видеть множество ошарашенных лиц — такой коллекцией не могли похвастаться ни журналисты, ни полицейские. Больше всего ему сейчас хотелось видеть, как бессильно поглупеет вдумчивая физиономия Дитра Парцеса, ох, срань всемирная, как же ему этого хотелось. Но Дитр Парцес произнёс:

— Вы же сами видели, как я вторгаюсь в ваше время. Я могу схватиться за одну из нитей, из которых соткано время, и переместиться назад или в будущее. Это довольно неприятно, но я уже привык. Если вы подискутируете

со всемирщиками, думаю, они додумаются до того, что подобное в теории возможно и даже на прак...

— Зачем? — перебил его Рофомм, с трудом превозмогая желание грохнуть кулаком по матрасу. Парцес был настоящим мастером лжи, похлеще сегодняшних политиков из Администрации.

— Что зачем? Зачем я перемещаюсь по времени?

— Да.

— А зачем вы всасываете в себя чужие ночные кошмары, доктор? Зачем изобрели душескоп? И зачем вы пьёте и нюхаете эритру? Верно, потому что можете. Как и я. Чего? — он ухмыльнулся, когда Рофомм рассерженно зашипел и отпрянул. — А это ещё что? Что у вас с ухом? — Парцес определённо пошёл в атаку. Рофомм вдруг почувствовал себя морально побитым — и побил его человек на больничной койке. Шеф-душевник не выдержал и загромыхал коробком. Парцес приподнялся и, изловчившись, схватил его за край нагрудного кармана на кафтане, одним рывком притянув к себе. Его цепкая суть ищёки нагло вгрызлась в измученное нутро шеф-душевника. — Ты мне нравишься, доктор. Правда, нравишься. Но ты развалина. Что ты с собой натворил?

— Я... — он от страха выронил коробок и теперь мог лишь судорожно дышать. — Я прок...

— Это я проклят. А ты просто пьянь. Тебя поэтому жена бросила? — серые глаза стрельнули куда-то в сторону его уха. — Нет? Ты спился, потому что тебя бросила жена? Ты такой нормальный, что даже грустно, — Парцес потрепал его по плечу. — Повелитель звёзд.

У шеф-душевника осталось множество вопросов, которые он так больше и не сможет задать, поставив Парцеса в тупик — тот теперь-то точно найдёт, как увильнуть или ударить в ответ. Самое нелепое, что Парцесу он и

впрямь нравился — Рофомм Ребус редко кому нравился, но если такое случалось, он отчётливо это чувствовал. Чужая симпатия обволакивала его тёплой паутиной, и это было самое мучительное чувство для человека, которому все остоблудело.

Вдруг, к его счастью, за дверью послышался топот двух пар ботинок, и в палату без стука вломился старший фельдшер Клес Цанцес. За его плечом сопел младший заместитель по имени Ерл Лунеэ. Клес, увидев, что его держит за карман странный человек, которого они с Равилой уже успели изучить через душескоп, ловко подскочил и, схватив шефа под мышки, поднял на ноги.

— Держись подальше от него, — шепнул фельдшер, но Парцес, видимо, услышал и спокойно улыбнулся, блеснув зубами. Улыбаться ему шло, Эдта ценила в мужчинах красивую улыбку. Жаль только, что теперь ни одного такого он ей в подарок не притащит.

— Это его нужно держать отсюда подальше, он здоров, — резко ответил ему Рофомм, оправляя кафтан. — Чего вы припёрлись? Полночь на дворе, — если с пациентами он говорил мягко, то среди коллег заслужил звание почётного гада медицинских наук.

— Вонцес, шеф... — начал было Лунеэ, но фельдшер Клес, который в клинике неофициально был третьей фиругой после Рофомма и Равилы, его перебил:

— У Вонцеса обострение, положили под иглы. Мы всё равно дежурим и...

— А я здесь при чём? Я-то выходной сегодня, — он демонстративно зевнул и полез за портсигаром.

— Выходной — не выходной, но ты здесь поселился, шеф, — едко проронил Ерл. Ерл недавно уволился после стычки с шефом, заявив, что не хочет терпеть «всю эту проблудь от сраного гралейца», а Равила заставила его вер-

нуться в тот же день, посоветовав избегать оскорблений на национальной почве и ограничиться обычными. — Да-вай, шеф, подсоби, раз уж у тебя все конечности на месте.

— На уда срамного я тебе плачу, если ты сам не можешь справиться? — рявкнул шеф-душевник.

— Шеф, мы тебе заварим бодрящей настойки, если ты поможешь, — лживо проворковал своим басом старший фельдшер.

Ничего они ему не заварят. После того, как сестра, прибывшая из Кампуса, выбросила все запасы его порошка, эритру в облегчённой форме — сырьё для бодрящей настойки — коллеги вдруг попрятали, и все как один клялись, будто эритра у них закончилась. Равила врала, что всему виной поставщики — сейчас из-за тумана такой спрос на эритру, что запаздывают их закупки, вероятно, вышлют только в следующем терце. Это был хорошо спланированный заговор. Коллеги знали, что всех и разом он их уволить не может. Роформм еле держался без эритры, спасал заполненный алкоголем буфет в кабинете. Благодаря гоночной и вину кошмар окончания действия бодрящего порошка сменился вялостью, но вернуть ясность поможет только эритра, которой больше не было.

— Ничего мы ему не заварим, — заявил Ерл, — не из чего заваривать. Так что когда ты нам поможешь, мы уложим тебя спать в твоём кабинете. Ты хорошо выспишься и завтра, когда придут с завещанием, будешь почти адекватен. Хочешь, я тебя побрею, шеф?

— Да пошёл ты, — отмахнулся от него Роформм, и Ерл, изображая обиду, покачал головой. Ерлу было плевать на гранейские традиции проявления лояльности, но он делал вид, что нет. В стрелковых полках Серебряной Черты, состоящих из гранецев, солдата или офицера, которому светит повышение, полковник вызывает к себе и

даёт в руки бритву, подставляя беззащитную шею. Шею подставляет сыну отец, жене — муж, подчинённым — шеф-душевник, которому лень бриться самому. — Не подмазывайся. Сам справляйся с Вонцесом, ты его ведущий врач.

— Тебе интересно будет, — голосом сказочника проговорил Клес. Клес умел говорить так, что даже самые несговорчивые начинали глотать таблетки и подставляли руки для уколов. Клесу нужно было работать с детьми, но он выбрал работать с душевнобольными — что, впрочем, было почти тем же самым.

— Мне Равила обещала, что будет интересно вот с ним, — он кивнул на Дитра Парцеса, который улёгся на бок, опёршись на локоть, и насмешливо взирал на грубияна шеф-душевника, с которого при появлении коллег мигом слетел весь его упаднический лоск. — А он нормальный.

— Без тебя не справимся, — Клес пошёл с другой, правильной стороны. — Плохо всё. Туман, Рофомм, туман. Мы тащим, а оно обратно... Кто, как не ты? Поможешь? — борода Клеса, казалось, распушилась как шерсть кота, который просит пожрать.

— Ага, — бросил Рофомм и, резко развернувшись, вышел из палаты. Клес с Ерлом пропустили за ним.

Дитр Парцес так и остался полулежать на локте, глядя им вслед, но поняв, что теперь больше не заснёт, ловко встал и принялся одеваться. Он пошёл по едва освещённому коридору в душескопную. Дверь была приоткрыта, и оттуда падал яркий свет и доносились чьи-то стоны — судя по всему, другого врача, Ерла.

— ...оно придёт, я спиной повернусь, и оно придёт! — гудел Ерл. — Все, всем скопом — меня раздавит, а ты меня вышвырнешь. Клес, помоги, Клес! Он знает, знает о ней! Он её убьёт!

— О ком знаю? Клес, что за глупости? Он бабу себе завёл? — произнёс голос Ребуса.

— Шеф, давай ты выйдешь. Он не справится с этой дрянью, пока ты рядом, — ответил Клес.

— Не выпускай его! Он запрет нас здесь навсегда!

Вместо того, чтобы съязвить, Ребус вышел прочь и закрыл за собой дверь, оставив Клеса наедине с обезумевшим коллегой.

— Ты напоминаешь мне моего кота, которому нужно непременно смотреть, что я делаю, и он преследует меня по всему дому, — заявил он, увидев Дитра.

— Что там такое? — он кивнул на дверь.

— Там... — Ребус потёр лоб. — Я ещё сам не разобрался, но, похоже, проклятия, которые можно подцепить в тумане, заразны. Туман, он, понимаешь, всемирный. Очень неприятная дрянь. Администрация отписала целую группу всемирщиков его изучать за наши налоги — бестолково. А у меня тут почти здоровые пациенты плохеют, да ещё и заражают коллег, — он покачал головой, и, словно в подтверждение его словам, из-за двери Ерл проорал:

— А эти глазастые бабы?! Что Лорца, что Реца, что Макста — я тебе говорю, они сколотили шайку и скоро захватят тут всё! Сначала тут, а потом доберутся до Большничной дуги, а то и вообще до Министерства...

— Ну началось, — прошипел шеф-душевник. — Ни один приступ проклятия преследования не обходится без женщин ирмитской национальности.

— Ерл, убери это у себя из груди, — спокойно басил Клес. — Тебе от этого больно. Убери это, Ерл.

— Не могу! — взвизгнул он.

— Вот проблудь, он мне тут сейчас половину народу перебудит! — Ребус постучал по двери. — Ерл,правляй-

ся с этой дрянью. Если ты этого не сделаешь, я уволю тебя и убью твою бабу!

— Заткнись, шеф! — рявкнул из-за двери Клес, а Ребус беззвучно рассмеялся. — Давай, Ерл, ты справишься. Задави это, задави это силами душевными. Так, вот так, молодец.

Ерл перестал стонать и уже тихо всхлипывал, и через минуту Клес распахнул дверь. Врач сидел на полу, схватившись руками за покрасневшее лицо, а в душескопной было немыслимо туманно, хотя все окна были закрыты.

— Я это перетёр — как зубами, — глухо сообщил Ерл начальнику. — И выплюнул обратно. Теперь оно всего лишь туман.

— Ты хороший, — похвалил Ребус. — Только давай-ка в следующий раз будешь поосторожнее, чтобы не нахвататься от него новой дряни, — он кивнул на человека, распятого иглами душескопа в лежачем кресле. Дитр плохо понимал, что происходит, но не смог не заметить, что у груди механика Вонцеса, проклятого преследованием, туман клубится особо густо и словно бы живёт своей жизнью. Он шёл какими-то путами, те шевелились и поблескивали в свете газовых ламп. — Я бы его до утра так оставил — Равила будет в восторге. Она о таких только читала, а тут — настоящий одержимый, живьём. Как из пустыни неведомым экспрессом.

— Что-то мне говорит, что он не последний, — Клес пригладил бороду. — Надо как-то от этой всей гадости избавиться, прежде чем мы снова возьмёмся за окуляры.

— Ага, — Ребус с внезапной для такого болезненного человека ловкостью подскочил к Вонцесу и сгрёб туман в охапку длинной рукой. — Окно открай, живо!

Клес побежал открывать окно, а Ребус, которого уже начал опутывать туманный ком, выругался и вышвырнул

проклятие на тёмный радиус. Фельдшер быстро захлопнул окно и выдохнул в унисон с Ерлом. Ребус вытер ладони о кафтан и полез за портсигаром.

— Так легко? — удивился Ерл.

— Ну да, — шеф-душевник пожал плечами, закуривая. — Сомневаюсь, что смогу съехать дальше, чем уже, терять мне нечего, и... Кстати о потерях — твоя дама знает, что тебе осталось лет двадцать?

— Пятнадцать, — пробормотал Ерл, на вид абсолютно здоровый, даже после недавнего приступа. — Да, знает. Она готова. Лучше уж пятнадцать счастливых лет вместе, чем одиночество из-за моей всемирной жертвы. Я собрался на ней жениться.

— Ну и дурак, — бросил Ребус, приложив ладонь к своему порванному уху, скрытому отросшими спутанными волосами. — Ладно, пошли к окулярам.

Дитр, прислонившись к дверному косяку, наблюдал, как врачи и фельдшер занимают свои места у окуляров. Ерл, как ведущий врач механика Вонцеса, встал у окуляра, который иглой утопал где-то в ноздре у бессознательного человека, Клес встал в ногах, Ребус примостился у левой руки — потому что там стояла тумба с пепельницей. Ерл и Клес Дитра так и не заметили, Ребусу было определённо плевать, что в душескопную забрёл посторонний, а быть может, он решил покрасоваться.

И тут Дитр понял, что дышать стало как-то невмоготу — но не из-за воздуха, а на каком-то всемирном уровне. Что-то происходило там, куда смотрели Ребус, Ерл и Клес, что-то было внутри механика Вонцеса, страдающего проклятием преследования. У Ерла подрагивали руки, лоб Клеса покрылся испариной, а шеф-душевник, уже вовсю пыхтя папиросой, грохотал коробком над ухом. Кругом словно кто-то перекрикивался, тревожно и надрывно, но

Дитр не мог ушами своего тела услышать ни слова. Один из окуляров пустовал, и Дитр, не привыкший сопротивляться любопытству, впервые склонился над странным прибором.

Склонился — и ничего не увидел. В душескоп надо уметь *смотреть*. Надо уметь искать суть. Дитр Парцес умел искать правду, он умел *спрашивать*. Он *спросил* — и открыл глаз, нависший над окуляром.

Он держал внутри себя гнилую тень маньяка, он перемещался во времени и знал, что удивить его почти невозможно. Но когда он увидел чужую душу, у него перехватило дыхание — и где-то далеко у границы его рассудка удивилась тень.

Он был далеко, но никогда не был так близко. Это было вокруг, это было нигде. Его взор нависал над затуманенным лабиринтом, по которому двигались три человеческие фигурки, о чем-то перекрикиваясь. Кривые стены щетинились бойницами, на каждом углу стояло по столбу с рупором, рупоры наполняли нутро Вонцеса шепотами. У рупоров были железные рты, они бормотали слова безумия. Редкие фонари прямыми и яркими лучами прорезали ожившую серость, которая двигалась сама по себе.

— ...и если не трогать, они не тронут тебя! — кричал коллегам Ребус. — Глядите! — Он вскочил на выступ в призрачной стене и схватился за фонарь, напоминающий гигантский глаз. Фонарь повернулся к нему и угрожающе заскрипел, из его основания полезли какие-то иглы, протыкая ладони доктора.

— Шеф, силы теряешь! — предупредил Клес, но Ребус, проигнорировав его, принял молотить кулаком по стеклу фонаря. Стекло дало трещину, и вместо газа оттуда потёк болезненный чёрный дым. Ребус отпустил потухший фонарь и прыгнул на землю, вытирая окровавленные руки о кафтан.

— Сейчас, гляди, сейчас, — просвистел он, и тут же в его направлении ринулась живая мглистая серость, обратившаяся тысячей летучих червей. Ребус раскинул руки, криво ухмыляясь. Он подставил грудь, дёргаясь всякий раз, когда в него вонзалась очередная тварь, — вонзилась, чтобы уже не выкарабкаться обратно. Тысячи тварей застряли в его груди, они беспомощно молотили сотканными из тумана тушами, истязая принявшего их на себя человека. Ребус грохнулся на колени и скорчился от боли, и Дитр — а вместе с ним и тень — вздрогнули. Что-то крикнул Ерл, но Ребус сделал предостерегающий жест рукой и согнулся ещё больше, сворачиваясь над землёй, словно снова решил стать рептилией.

«Бездоказательно, но смертно», — отчётливо прошептал рупор, а Ребус едва заметно дрожал на земле.

«Поделишь тьму, иначе придут», — шуршал другой. Ерл и Клес переглянулись. Ерл покачал головой, Клес молча сложил руки на груди, гадая, жив ли шеф — он обратился тёмной грудой и будто бы больше не дышал.

«Заспинные острия. Видно всё».

— За спиной ничего нет, — прохрипел Ребус, поднимая голову. Клес и Ерл бросились к нему на помощь. — Господин Вонцес, за спиной ничего нет, никто не видит.

Они подняли его, а под ним растекалась лужа крови. Туманные твари куда-то делись, зато живот шефдушевника превратился в кровавое пятно.

— Ещё будут — хватайте руками, — сказал он подчинённым, и те кивнули.

Они двигались дальше. Ребус шёл сам, хоть и опирался на стены, а Дитр навис своим взором над лабиринтом, страстно желая опуститься в туманную глушь, но не зная, что и как он может сделать. Он лишь беспомощно наблюдал, как все трое, теряя силы,правляются с тварями, ко-

торыми обращался туман в душе Вонцеса, как они крашат фонари и рупоры, пробираясь в сердце лабиринта, где стояла клетка с запертым в ней человеком.

— Откройте, господин Вонцес, — Ребус, маразм желе-
зо кровью, опёрся на прутья и просунул между ними руку,
силясь дотянуться до Вонцеса. — Сыграем в «лепестки-и-
бокалы». А потом сыграю вам марш на пианино — самый
ровный, безупречно просчитанный марш.

— Зачем? — прошептал Вонцес.

Ребус повернулся к коллегам, бледный как холст.

— Ломать? — спросил Клес.

— Ерл его ведёт, пусть он и решает.

Ерл приободрился и, поджав губы, вымолвил:

— Ломать.

Двое навалились на прутья клетки, а в центр лабирин-
та с устрашающим свистом устремился туман — словно
лабиринт вдохнул, не желая задыхаться под чужим напо-
ром. Безумие не хотело отступать, оно сопротивлялось.
Ерл хватал руками хищные сполохи, но рук не хватало,
тварей было слишком много. Одна увернулась от его
хватки и вцепилась Клесу в загривок. Ерл отодрал её и
яростно втоптал в землю, но на него тут же налетели но-
вые. Ребус с рептильной ловкостью юркнул в открывший-
ся проём и пошёл к механизму. Того словно опутал туман,
густой как желе и такой же трепещущий. Но, почуяв чу-
жака, туман ожил. Серые шеи приподнялись и разверзли
пасти, готовясь к броску.

— Клес, — сказал Ребус, — выйди и проверь паци-
ента. Я боюсь за сосуды в мозге. Сможешь его посадить?

— Роформм, мы тебе тут оба нужны, — возразил фель-
дшер.

— Будь добр, — скрипнул шеф-душевник, слишком
напряжённый, чтобы хамить.

Клес, судя по всему, подчинился — он мгновенно исчез, словно его стёрли, и Дитр недоуменно моргнул над окуляром. И в следующий же миг его схватили за плечи и потащили прочь от душескопа и распятого под ним механика.

— Вам сюда нельзя, — спокойно сказал Клес. Выглядел он ужасно — борода взмокла, на лбу вздулась жилка, зато светлые, как у всех южан, радужки глаз потемнели так, что почти слились со зрачками. — Я понимаю вашу любознательность, это явно профессиональное, но вам нельзя. Все наши операции проходят во всемирно-конфиденциальной обстановке.

Дитр не имел ничего против фельдшера и против правил, по которым работали душевники, но проблема была в том, что Дитр Парцес был *не один* — и любопытно было не одному ему. Клес вдруг охнул и сжал кулаки, но тут же пришёл в себя, прежде чем Дитр успел сообразить, что случилось.

— Хорошо, смотрите, только внутрь не лезьте, — глухо вымолвил он и занялся креслом, на котором лежал механик. Клес ловко обращался с креслом и приборами, постервятниччи нависшими над пациентом, и даже после изменения положения тела иглы не слетели и приборы остались на своих местах.

И он увидел саму операцию — само удаление проклятия из души. Проклятие сопротивлялось, и, чтобы вытащить его, Ребус терял силы. «Неудивительно, что он пьёт и употребляет», — подумал Дитр, наблюдая, как шеф-душевник, незнамо каким скальпелем раскроивший грудь человека в клетке, отбивается от облепивших его туманных червей.

— Зачем? — переспросил он больного. — Знай я зачем, не жил бы как живу, — он горько хохотнул, хватаясь за тушу твари, обившей его грудь. — Ерл, что это за проклятие? Раньше таких не было, насколько я тебя понял?

— Я тебе уже сказал, шеф, — отвечал ему подчинённый, еле удерживая хищный ворох. — Тут были только проекции страхов в форме шпионов, солдат, диверсантов и прочих — в человеческой форме. Вонцес, можно сказать, *застудил* душу в тум... — он вдруг осёкся, отшатнувшись от больного.

У того из груди взметнулся серый столб. Он ринулся в несуществующее небо и разверз пасть над жертвами. Ерл отскочил куда подальше, Ребус стоял, задрав голову, и с кривой ухмылкой смотрел на него. Пасть вдохнула не-воздух, забирая его у тех, кто был сейчас в душе Вонцеса, словно бы пустота устремилась промеж стен лабиринта, и они содрогнулись.

— Сейчас оно попытается меня сожрать, — спокойно прокомментировал Ребус. — Пока будет пытаться, ты отпилиши его от Вонцеса.

— Понял, — кивнул Ерл.

И тварь набросилась на самую простую жертву, а Ерл ринулся к телу механика. Пасть гигантской твари поглотила фигурку в кафтане, и её бесконечная глотка пошла спазмами, силясь протолкнуть жертву в страшную глубь. На Ерла, который рвал её у основания, тварь не обращала внимания. И лишь когда полетели туманные ошмётки, четырехстворчатая пасть развернулась к нему, но тут же дёрнулась кверху — что-то творилось у неё внутри. Пасть разверзлась и заорала, а Дитр Парцес где-то в кабинете зажал уши. Тварь кричала тысячами голосов, хныкала, свистела, пищала и ревела на все лады — тысячами мёртвых голосов, которые когда-то раздавались в мире телесном, но ныне отошли во всемир. Глотку прорвало изнутри, и оттуда высунулась рука со скальпелем, а затем появился и сам Ребус, кромсающий тварь вдоль и поперёк.

— Порядок, шеф? — крикнул ему Ерл.

— Ага, — Ребус ловко прыгнул на землю. Или то, что было вместо неё в личной недействительности механика Вонцеса. — Гляди, растворяется, — он кивнул на тлеющую тварь. Обычный туман так не исчезает, но этот как будто сгорал и испарялся. — Хотелось бы добить проклятие сегодня и выписать его поскорее. Справишься? Потому что я — всё, — он провёл ладонями по окровавленному животу.

— Справлюсь, — Ерл поскрёб прут клетки, который мигом начал ржаветь и осыпаться. — Спасибо, шеф.

Дитр оторвался от окуляра и повернулся к шефдушевнику, который, пошатываясь, поплёлся в другой конец комнаты. Он чуть не упал и опёрся на стену, а поняв, очевидно, что дальше идти не может, сполз на пол и снова закурил, задрав к потолку небритый подбородок. У душескопа его сменил Клес, который увидел, что пациент в нормальном бессознании.

Ребус выпустил струю дыма и с хрустом повернул голову к Дитру.

— Я впечатлен, — сразу же сказал он, едва Ребус успел открыть рот. — Потрясающе.

Ребус хмыкнул и продолжил пыхтеть папиросой, стряхивая пепел прямо на пол. С Вонцесом закончили минут через пять, и Клес принялся возиться с приборами, отсоединяя нос и конечности, а затем с капельницей с питьевым раствором. Ерл вытирал лоб рукавом, а затем нюхал ткань, словно боясь учуять на себе чужое безумие.

— Помогите встать, — слабым голосом попросил Ребус, у которого сил, казалось, только и хватало на то, чтобы курить.

Дитр бросился к нему, но Клес его опередил, загородив своей тушей. Дитр про себя усмехнулся, представив себе армию, состоящую из солдат-клесов, которые так же будут

относиться к своим офицерам. Такая армия стала бы не-победимой. Фельдшер, ростом почти с Ребуса, но ширококостный и потому казавшийся даже крупнее исхудавшего шеф-душевника, перекинул его руку себе через плечо и потащил прочь, пока Ерл занимался пациентом, даже и не думая требовать помоши у фельдшера. Клес притащил его в кабинет, а под конец уже почти нёс его на себе — тот обмяк, и ноги его волочились по полу.

— Ложись, так, — приговаривал он, укладывая Ребуса на заваленный какими-то газетами диван. — Спи.

Прибежал Ерл и, увидев, что шеф уже храпит, без зрения совести включил свет. Дитр вдруг понял, что в жизни не видел более грязного и захламлённого кабинета. Переполненные пепельницы стояли на каждой плоской поверхности, на полу развалилась стопка бумаг, подоконник был заставлен пустыми бутылками, одна из чернильниц упала на пол — видимо, уже давно, потому что пятно чернил больше не блестело, глухо въевшись в паркет. На письменном столе около печатной машинки с торчащим из неё листом сидел котёнок охранной эцесской породы и угрожающе желтел глазами на незванных гостей.

— Укрой его газетами, — сказал Ерл.

— Его лучше не трогать лишний раз, — он покосился на котёнка. — Ревнивая тварь мне как-то руку чуть не отгрызла, когда я слишком близко подошёл к хозяину. Господин Парцес, — Клес повернулся к Дитру, который не счёл нужным прятать гримасу отвращения, — если вас так пугает интерьер, то, может, вернётесь, наконец, в палату?

— Что с ним такое? — осведомился Дитр, лелея слабую надежду, что коллеги, которым Ребус хамил на все лады, не преминут посплетничать о шефе. — Почему он такой? Давно?

— Слишком много вопросов относительно дела, которое вас не касается, — отрезал Ерл. — Идите-ка к себе, пока мы вас силком не потащили...

— Ерл, не трогай его, никакой силы, — предупредил Клес, опасливо дёрнувшись.

Внутри Дитра словно бы что-то злорадно ухмыльнулось. Тень тоже ничего не имела против фельдшера Клеса — но какой-то фельдшер не смеет перечить посмертую Звёздного Помазанника. Дитр поднял с пола одну из газет — «Схрон», как выяснилось. Издание, специализировавшееся на новостях касательно исследований тёмных сторон человеческой натуры, где публиковали свои труды криминалисты всех мастей — всемирщики, душевники и даже экзекуторы. Номер был свежий, всего лишь с прошлого терца. «Лучшая смерть, — гласил один из заголовков на первом листке. — Закон о доброкончаниях внесён в телесное законодательство». Инфоповод, судя по всему, был ключевым в номере и имел какое-то отношение к Ребусу, ведь в качестве иллюстрации взяли его портрет, правда, не вполне актуальный.

— Да, так он когда-то и выглядел, — горько усмехнулся Ерл, увидев, что Дитр разглядывает изображение красивого мужчины с аккуратно уложенными локонами. Прихорашивался для жены. — Может, мне и впрямь не стоит жениться, а, Клес?

— Чушь, женись, — отрезал фельдшер. — У меня *оно* забрало возможность влюбиться, и теперь... — он махнул рукой. — Если кому-то что-то не удалось, это не значит... Чушь.

— Спасибо, Клес, — вздохнул Ерл, переведя взгляд с газетного портрета на храпящего на диване человека. — Пошли? Господин Парцес, не могли бы вы...

— Я тут, пожалуй, почитаю, — не согласился Дитр.

Ерл с Клесом настаивать не стали, но, когда за ними закрылась дверь, Дитр отчётливо услышал, как Клес говорит что-то про опасность и про пистолет. Звучало это неглупо, но от тени их это все равно не спасёт. Их не спасёт, даже если они навалятся на него всей клиникой. Единственный, кого боится тень, — это шеф-душевник.

«Что, ублюдок, боишься алкоголика? — злорадно думал Дитр, зная, что тень слушает каждое слово. — Он со-жрёт тебя через душескоп и точно так же завалится спать. Ну же, ответь мне, рожа!» Дитр даже подошёл к грязному зеркалу, понимая, что там увидит, — и оттуда тотчас же вынырнуло сгоревшее лицо цвета сырого мяса. Губы у тени шевелились, и, хоть слуху телесному не было доступно ни звука, Дитр явственно слышал голос в своей голове.

— Ты изувечил время, ты изувечил мир телесный, Парцес. Это ты всемирный вредитель, а не я. Я был зачат для великой миссии, но ты приложился своими грязными шахтёрскими лапами к моей всемирной чистоте — и погляди, погляди, что ты со мной сделал! Погляди за окно, погляди вокруг — мир рушится.

— Будто ты его не рушил, — Дитр зевнул. — Ты, видимо, сильно расстроился, что я не дал тебе воплотиться в душе политикана, — попробуй справиться с доктором!

Тень шипела и таяла, и отражение в зеркале снова принимало черты Дитра Парцеса. Бывший шеф-следователь по делу всемирного и массового убийцы Роформа Ребуса, который так и не стал им в другой своей жизни, направился к захламлённому письменному столу. Что лучше расскажет о человеке, чем хороший беспорядок на столе? Котёнок, увидев, что к нему идёт чужак, всторопшился и оскалил пасть.

— Кыш, — потребовал Дитр, поняв вдруг, что кот не закодирован.

Держать охранных котов и прочих опасных тварей без кода во все времена квалифицировалось как преступное бездействие. Ребус рисковал потерять питомца и пару терцийных доходов в качестве штрафа (или сколько в этом времени составлял штраф за содержание опасного животного без кода) — по меньшей мере. Шеф-душевник, который сейчас смотрел чужие ночные кошмары, застонал во сне. Зверь спрыгнул со стола, побежал к хозяину и улёгся, как полагается коту, на больное место — на голову. Дитр принялся изучать освободившийся стол.

Первом делом ему бросились в глаза две распечатанные капсулы с пометкой пустоты — две смерти. «*Уважаемый омм Роформм Ребус, с прискорбием уведомляем вас о кончине вашей матери, госпожи Лирны Ребусы (дев. Сиросы)...*», «...о кончине вашего отца, омма Урномма Ребуса...». А в печатной машинке так и осталось начатое письмо, которое пришлось оборвать с получением капсулы с пометкой пустоты.

Уважаемая мама,

По решению суда к нам привезли человека — нарушителя по делу Площади Розового неба.

Может ли тут быть совпадение? На площади, где игорный дом дяди Эрца, обнаружился тот самый человек. Ты говорила, что он так и не вернулся к тебе, а он здесь — приезжай первым рейсом из Акка и увидишь сама.

Тот ли это человек? Эцес: я с ним пока что не разговаривал, но коллеги говорят, что акцент у него южный. Глаза серые, волосы седые, но лицо не старое — на вид тридцать пять — тридцать семь лет, выглядит уставшим, поэтому, наверное, моложе. Точного возраста не знаем — при нем поддельный личник с некорректной датой рождения. А ещё та самая серая

кожаная куртка с дырой от пули в области груди. Он должен быть гораздо старше, но

И на этом письмо обрывалось. Лирна Сироса, согласно информации в уведомлении, после долгой мучительной болезни прошла через доброкончание — была умерщвлена всемирным милосердием сертифицированного хирурга Ш. Дирлиса. Она так и не узнала, что Дитр Парцес прибыл спросить у неё, как дела. Чем растворилась Лирна Сироса? Этого ему никогда не узнать. Одушевила ли она сына? Навряд ли — ведь она умерла в Аkke, а он тут, в столице.

«А может, сходить назад на год или два — когда она ещё была жива? Когда этот мешок с горем был женат и не пил как проклятый? Когда не было тумана?» — думал Дитр, но вдруг понял, что тень, которая угрожающе заскреблась внутри, точно не позволит ему этого сделать. Тут тени было где развернуться, тут был хаос. В здоровой обстановке террорист действовать не любил.

«Впрочем, не больно-то и хотелось», — Дитр бросил взгляд на спящего с котом на голове врача. Лирна Сироса вырастила не нравственного урода, не всемирного вредителя, а всего лишь несчастного человека — скорее всего, тут её вины не было. У Роформма Ребуса не было ни единого шанса стать счастливым. Хотя он явно пытался, понял Дитр, обнаружив в столе эскизные портреты обнажённой женщины. Листки с рисунками были подписаны неким Д. Таттцесом, очевидно, тем же, что подарил ему часы. «Надо будет похвалить ноги его жены, когда пронётся. Гралейцы такое любят». У Ребуса была красивая жена, даже чересчур — или Таттцес из симпатии к другу такой её изобразил.

Номер «Схрона» подробно описывал новый «закон о доброкончании», согласно которому врачи могли обры-

вать жизнь неизлечимо больных пациентов по просьбе последних. Дитр удивлённо приподнял бровь — время, к которому он привык, часто сотрясалось дискуссиями по поводу убийства милосердия, которое прощалось только военным и только в условиях чрезвычайного положения. Боясь произвола, государство запрещало такое даже полицейским под страхом расстрела. Но всякий раз, когда подобное случалось, полиция прикрывала своих — вспомнить хотя бы Ралда, застрелившего женщину, которую тень маньяка заставила проглотить битое стекло и обрекла на мучительную смерть.

Но и в этом времени принятие закона сопровождалось скандалами. Саму личность инициатора лобби, доктора Роформма Ребуса, журналист определил как «скандальную». Ребус, по его словам, лишь искал способ заставить душескоп заработать в полную силу, превратить его из диагностического прибора в систему, с помощью которой можно оперировать душу. Для этого требовалось заключить со всемирным посмертiem контракт наподобие тех, что заключали целители древнего государства ирмитов, ныне затерянного в песках и населённого демонами. На вопрос, нет ли у него опасений, что Конфедерация повторит путь ирмитов, Ребус ответил отрицательно, добавив, что ему по большей части плевать и свой выбор он уже сделал и принёс должную жертву (*«Прим. ред.: что бы это ни значило»*). Отступление от контракта влекло за собой всемирные санкции, силу которых определяло совершённое нарушение, — то был первый закон, за исполнением которого не нужно было следить полиции и чиновникам.

— Натворил ты тут дел, доктор, — Дитр присел рядом с ним на диван и погладил спящего по плечу. Котёнок тут же проснулся и, зашипев, предостерегающе поднял лапу

с выпущенными когтями. Зверюга мало чем отличалась от его коллег.

Место, наверное, тоже пронизано золотыми нитями времени — ведь как-то же работают сейсмологи и метеопредсказатели, не опираясь на человеческую суть. Дитр, рискуя опять подхватить головокружение и тошноту, раскинул текущее, нашупывая прошлое, и стал медленно смотреть.

Трое человек ползали по полу между разложенных бумаг и свитков — Ребус, Равила Лорца и какой-то худой мужчина в очках в форме врача Больничной дуги.

— Получается сущая чушь, если переводить дословно, — сказал мужчина в очках. — Укрепить... слияние... руки исцеляющей и мёртвого?

— Посмертия, — предположила Равила.

— *Укрепить слияние руки исцеляющей и посмертия чистотой гласа отвечающего*, вот что получилось.

— Рука исцеляющая — это мы с вами, — проговорил Ребус, тряся спичками над ухом. Он выглядел ещё не так жалко, но уже превращался в нечто неопрятное и небрите. — Чистота гласа отвечающего — имеется в виду искренность и добрые намерения при заключении контракта со всемиром, если я не ошибаюсь.

— Как с ним говорить? Что ему отвечать? — третий человек снял очки. — Там миллионы голосов, я сегодня на операции...

— Что? — резко вскинулась Равила. — Что на операции, Шорл?

— Я чуть не сошёл с ума, клянусь, — молодой и страшно испуганный Шорл Дирлис принялся протирать очки шейным платком. — А может, и сошёл. «*Кто ты?*» — оно меня спрашивало, орало, шипело, пищало, плакало, рычало... а ещё дёргало за скальпель. Я, как идиот, стоял

с трясущейся рукой, пока ассистент меня не окликнул. Я ничего не ответил. Мне страшно, коллеги.

Ребус поднял голову, словно хотел что-то съязвить, но вдруг передумал и лишь сказал:

— Дальше давай работать. Надо дальше.

Дитр отвёл взгляд назад, и кабинет изменился. Кабинет был чистым, как и кафтан человека, который, перегнувшись через стол, шептал что-то охающей под ним женщине. Ногу женщина закинула ему на поясницу, а огромные зелёные глаза смотрели через его плечо в никуда. Женщина, в которой Дитр узнал даму с портрета в столе шеф-душевника, накручивала на палец блестящие кудри на затылке мужа, а тот целовал её шею и называл своей радостью. И прежде, чем Дитр, смутившись, отвёл взгляд от слишком личной времененной картины, женщина вдруг дёрнулась и, оттолкнув мужа, ловко вынырнула из-под него, оправила юбку и принялась застёгивать чиновничий мундир с серым лацканом низшего ранга.

— Прости, я не очень хорошо себя чувствую, — с каким-то надрывом проговорила она.

— Ничего, ничего, радость, — Ребус выпрямился и принялся возиться с пуговицами на брюках. — Тебе чем-нибудь помочь? — ласково осведомился он, проведя пальцем по щеке женщины. Видеть простые проявления нежности от этого человека было сравнимо с первым взглядом в окуляр душескопа. — Нет? Ну что же, — он поцеловал её ладонь с внутренней стороны, — вечером увидимся, иди, радость. Радость моя, которая всегда будет со мной.

Женщина отняла руку и развернулась к выходу.

— Нет, не буду, — прошептала она, но Ребус, похоже, не расслышал:

— Что, Эдта? Ты что-то сказала?

— Мне надо делать отчёт по грядущему туману. Очень много работы, — отчётливо и звеняще сказала она, не повернувшись к мужу. — Буду поздно, ложись без меня, Рофомм.

Дитр отвернулся от ничего не понимающего доктора, которого жена только что решила бросить одного в тумане, и заглянул ещё дальше, где Ребус хохотал вместе с белокурым молодым человеком, задравшим ноги на его письменный стол.

— ...отстегал плёткой, представляешь, — рассказывал Рофомм, потрясая какой-то газетой. — Заявил, что нельзя спать на карауле, и сбежал, захватив все их пушки!

— А зачем Эрлю пушки? — блондин хихикнул, и пепел посыпался с его папиросы на щегольской сюртук.

— Очень надо, — Ребус карикатурно отсалютовал кулаком, как доминионский солдат. — Не спрашивай.

— Эрль — твой клиент, — заявил светловолосый, весело прищурившись. — Он ненормальный даже по меркам доминионской военщины. Вот гляди — война кончается, уже без четверти капитуляция: что сделает нормальный церлеец? Что сделал лейтенант Барль, когда твой батя велел ему сдаться в плен?

— Вообще-то попросил его убить, потому что ему офицерская честь не позволяла сдаться в плен простому солдату, — Рофомм закатил глаза. — Папа страшно обиделся, что его, тысяча какого-то по счёту на гралейский престол, назвали простым, и, истекая кровью из живота, распоротого Барлем же, потащил его за шкирку с собой. Вот бы и мы с тобой так дружить начали.

— Нет, твой батя тоже ненормальный, но иначе, чем ты. А Барль в порядке. Знаешь, Рофомм, я тут читал, что

доминионцы никогда — никогда не бегут из плена. Их ни связывать не надо, ни клейма ставить — сидят и ждут выкупа или пока там дипломаты договорятся. И тем более не дезертируют — уж генералы точно. А этот, вместо того чтобы сдаться, устроил самый грандиозный побег с поля боя. Помнишь, помнишь ведь?

— Просто возглавил массовое дезертирство. Он обычный трусливый урод, Джер, — Ребус скривился, обмахиваясь газетой.

— Не-не, не трусливый. Мой дядька там был — это кото́рый сейчас рюмочную держит, а не тот, что кочегар, ну ты понял, — видел, как Эрль бежит с плёткой, а вместе с ним солдаты и офицеры, кто на лошадях, кто пешие. Он что-то орал и стегал их плёткой, чтобы бежали быстрее. А про халат помнишь?

— Да всё это враки от глашатаев с дубовым чувством юмора. Как может офицер выйти на поле боя в халате?

— На нём была не шинель — это все видели, а какая-то развеивающаяся тряпка, которую сперва приняли за кафтан, но откуда у доминионаца кафтан? Поняли, что это был халат. И он орал что-то... тут не знаю, врут ли глашатаи или правда — орал: «Не ломаться!» На церлайском языке это не совсем так переводится, а как «самоуничтожаться через всемирный надлом», вот как. И сейчас эта тварь в пустыне. Теперь, после случая с кражей пушек из грандайского форта, я точно верю, что это его головорезы нападали на кактусовые фермы на севере. До последнего не верил, что Эрль там за десять с хвостом лет организовал своё государство, но теперь, когда уже Принципат подтвердил, что да, на форт около пустыни напал Эрль и спёр у них пушки, я охотно... охотно признаю Эрля твоим пациентом.

— Спасибо, не надо, — хмыкнул Ребус.

— Ты видел его глаза? Видел?! Разверни газету! —
Джер Таттцес замахал руками.

— Тут просто газетный портрет, сам знаешь, что их
рисуют на отблудись.

— Я тебе как художник говорю, что портрет хороший!
Посмотри, какие у него глаза — каменные. Словно пусто-
стой исполненные, словно...

— Ну, предположим, он душевнобольной, — протя-
нул Ребус, изучая усатую офицерскую физиономию на
газетном листе. — Но его сюда к нам нельзя. Равила,
наплевав на врачебную этику, в первый же день вколет
ему смертельную дозу дурмана — за то, что полез в её
родную пустыню. Джер, — он поднял голову и внимательно
посмотрел на друга, с лица которого не сходило
выражение странного восторга, какой бывает у гогского
подростка, впервые увидевшего массовую поножовщину
на улице. — Ты влюбился, придурок? Ты на корабль садишься
ради того, чтобы помалевать море и дальние бере-
га — или чтобы увидеть Эрля, когда будете проплывать
мимо пустыни? Я тебя огорчу — вы будете так далеко,
что, окажись Эрль на берегу, ты его каменных глаз не...

Дитр моргнул, возвращая зрению настоящее время.
Кругом все двоилось, глаза словно слезились, но, протерев
веки, Дитр увидел, что на кончиках пальцев кровь.
Однажды его всемирная мощь в сочетании с полнейшим
дилетантизмом его убьёт.

Он вспомнил Джера Таттцеса. Сам он его не знал —
Ралд знал, познакомился с ним уже после уничтожения
террориста. Таттцес был художником-неудачником — со-
вершенно незаслуженно, ведь он, по словам Ребуса, мог
«схватить суть». В этом времени карьера Джера Таттцеса
пошла иначе — сборники его репродукций Дитр обна-
ружил в палате, Таттцеса оценивали как очень прогрес-

сивного и при этом уважающего эстетические каноны артиста. Но Джера Таттцеса всегда тянуло к тёмным, извращённым сущностям — как бы ни сплелись нити времени, его это всякий раз губило. Джер Таттцес, который мог бы не добиться ничего, уплыл на север, чтобы с моря увидеть самодельное государство безумного генерала, и пошёл ко дну вместе с кораблём, разбив странное сердце человека со спичечным коробком.

Единственное, что в кабинете содержалось в порядке, — это алкогольный буфет. Ребус, явно небедный человек, был уже на той стадии, когда плевать на качество пойла, и поэтому пил какую-то дрянь. С утра он точно решит опрокинуть в себя полбутылки чего-нибудь, а Дитр Парцес не любил испытывать симпатию к алкоголикам. Кривясь от отвращения, он выливал дешёвую гоночную и вино за окно.

Позже у себя на кровати он долго хмурился над сборником репродукций этого бойкого талантливого Таттцеса. Того приглашали оформлять фресками административные здания, как-то раз он даже работал на гранд-приорате в центре апофеозной композиции имел знакомые точёные черты лица и чёрные кудри — Таттцес не слишком заморачивался с натурщиками и просто вписал туда физиономию лучшего друга. Также Ребус обнаружился на этюде, который составители сборника репродукций назвали «Портрет друга», — мрачноватый и серьёзный, без лживой ухмылки, совсем юный, лет двадцати, при униформенном мундире с черепом на груди и с неухоженной бородой отличника-неряхи. А ещё — на выпускной работе Таттцеса под названием «Диптих о поиске». Правую часть занял портрет Равилы Лорцы, которая сгорбилась над микроскопом как изувеченная пружина, левую — Ребуса в профиль, строчившего что-то на печатной машинке с па-

пиросой в зубах. И хотя работа представляла собой две отдельные части, Дитр понял, что сидели они друг напротив друга, за одним и тем же захламлённым, грязным столом, где вперемешку с окурками и скомканными промокашками валялись стёкла для проб, какие-то иглы и лупы. Двое учёных на диптихе искали способ увидеть душу.

Равилу Таттцес тоже рисовал, она даже позировала ему обнажённой. Они, похоже, дружили втроём. А когда Таттцес погиб, оба так и не смогли оклематься. Правда, Равила держалась куда лучше, но она во все времена, как бы те ни сложились, оставалась крепкой. Ребус же дурел от одиночества.

Дитр понял, что больше не заснёт — слишком много случилось за несколько часов после его пробуждения. Он нашёл человека, за которым прибыл в это время, он видел чужую душу, он видел прошлое время. И соображал он без капли сонливости, быстро читая книгу по истории войны, которую по его просьбе накануне принёс Клес.

Война в этом времени и впрямь пошла иначе, Конфедерация вышвырнула Доминион со своей территории за один неполный год. Дитр припоминал историю своего времени — за несколько дней до битвы за столицу диверсанты убили всемирно сильного командующего Улдиса, Конфедерация осталась без офицера, на которого возлагали надежды по спасению столицы. Столицу деморализованная конфедератская армия чуть не потеряла — доминионцы дошли до Технического Циркуляра, а вернее, доехали на бронированном составе. Но наступление провалилось, и началась затяжная кампания по вытравливанию Церлоса за пределы страны. Армию Церлейского Доминиона возглавил Эрль, которого убили заговорщики под предводительством знаменитого шефа разведки Зенерля, того самого, что в своё время благополучно при-

кончил и Улдиса. Заговорщики винили Эрля в агонии своей страны, но их действия окончательно погубили Доминион — и началась Наступательная Война.

Здесь же Улдиса не убили. Книга была совсем новенькой и в сносках описывала Улдиса как ныне Министра границ. Не доехал бронепоезд и до столицы — железную дорогу удалось подорвать патриотической группе женщин. При попытке покушения на Улдиса убили того офицера разведки, а вернее — случайно взорвали всемирной силой ярости и страха, и сделал это Джер Таттес, которому на тот момент было всего четырнадцать лет. Что там делал будущий художник, Дитру оставалось только догадываться, но его куда больше заинтересовал Эрль. Тот действительно организовал массовое дезертирство, увидев, что его армия проигрывает в решающей битве уже на территории Доминиона. Подгоняя солдат плёткой, он умчался на север — за горы, в пустыню, и отныне находится там, напоминая о своём присутствии периодическими поджогами кактусовых ферм, вылазками на грандийскую границу и пальбой из пушек по кораблям.

Здесь и сейчас организация Песчаного Освобождения стала бы логичнее, чем в родном временном узоре Дитра, ведь пустыню теперь было от кого освобождать. Но Конфедерация даже не смотрела на север, видимо, Эрль был не таким уж призрачным пугалом, на него сил уже не хватало.

Он читал, когда ему принесли завтрак. Сотрудник клиники, которому уже невесть что наплёл Клес, опасливо на него косился и боялся коснуться его рукой, когда Дитр принимал у него поднос с едой. Он перечитывал об операции «Разрез», в результате которой уничтожили отрезок железной дороги за двести сотнешагов от столицы, и наткнулся на имя Лирны Сирозы, что была в той группе женщин, — как вдруг его прервали.

Бледная темноволосая дама в униформенном мундире мелкой чиновницы после короткого стука просочилась в палату и молча шла к его койке. Сперва Дитр подумал, что это кто-то из Министерства общественного благополучия, потом вдруг понял, что это за женщина. Без разрешения бывшая жена шеф-душевника уселась на край кровати и нависла над ним, немигающе глядя на него своими зелёными глазами. Дитр спокойно отложил книгу. Женщина была молодая и хорошенькая, но что-то в ней казалось отталкивающим. *Не ему*, понял Дитр, *не ему* она казалась отталкивающей — *не его* нутро бесилось от одного присутствия женщины. Тень сжимала оплавленные кулаки в бессильной ярости, но ничего не предпринимала, затаившись злобным паразитом на дне души Дитра Парцеса.

— Это не вы взорвали площадь, — заявила женщина. Она занесла руку, словно хотела его ударить, но вдруг схватила его за затылок и притянула к себе. Дитр почувствовал вонь сгнивших цветов, а внутри него клокотала беснующаяся тень. — Нет, не вы, — прошептала она ему на ухо, коснувшись губами вдовьей серьги. — В вас столько нежности. Откуда? Покажете?

Она прильнула к его лбу своим и снова вперилась в его зрачки, но теперь совершенно иначе. Её сущность, острая, словно часовая отвёртка, нагло вторглась в его время, руками женщина обвила его за шею и впилась своим всемирным нутром в самое сокровенное, похлеще душескопа. И сердце застучало куда-то в обратную сторону, и вдох стал как выдох, и перед его мысленным взором завертелось ближайшее прошлое.

Ребус сползает по стене после битвы за чужую душу, Лорца разговаривает со змей с папиросой в пасти, его везут в душевный приют прямиком с процесса, камера

одиночного заключения, суд присяжных, следователь Бонеэ выспрашивает его о площади, мелкие капли облепили лицо, пока его волокут с площади двое полицейских. И тут женщина вскрикнула и отшатнулась, потирая веки над густыми чёрными ресницами. Тень угрожающе вздыбилась подобно испуганному животному, которое ещё не понимает, может ли оно убить противника или сейчас убьют его.

— Что, Эдта, понравился он тебе?

К дверному косяку прислонился шеф-душевник и, не отрываясь, смотрел на бывшую жену запавшими, покрасневшими глазами.

— Я пыталась изучить его ретроспективу, — она отвернулась от Дитра, словно его тут не было, и, поднявшись с кровати, направилась к двери.

— Не надо оправдываться, — Ребус улыбнулся. — Но тебе его отдать, к сожалению, я не могу. Больше не те у нас отношения, — он протянул руку к даме, когда та поклонилась с ним.

Эдта отшатнулась, но врач умудрился схватить её кисть и, притянув к себе, прижался лицом к внутренней стороне ладони, некрасиво сгорбившись перед ней в какой-то побитой позе. Дама резко выдернула руку и, шаркнув юбкой по дверному косяку, ушла, а Ребус так и остался стоять, жалко склонившись над своей опустевшей ладонью. Он медленно повернул голову к Дитру, и на того снова резко пахнуло болотом, а радужки чёрных глаз грандайца начали светлеть, буквально желтеть.

— Будь здесь! — Дитр вскочил с кровати, поняв, что сейчас произойдёт. Ему было бы любопытно посмотреть на процесс обесчеловечивания, но отчего-то ещё больше ему хотелось, чтобы Ребус пришёл в себя. — Здесь, ты здесь, Рофомм, — он схватил его за плечи и встряхнул. — Коробок дать? Дать тебе твои

спички? — Дитр слегка притянул его к себе, как Андру, когда та начинала ехать душой от карьерных и всемирных перипетий. Не лежи он в дурке, да ещё и в чужом времени, вытащил бы его погулять в Окружные земли к мельницам. Сейчас с этим туманом, конечно, гулять не тянет, но разве какая-то всемирная непогода помеха душевному теплу? Выпили бы травяной отвар из термоса и рассказали бы друг другу о самых странных случаях из практики — наверняка бывшему следователю из отряда Особой бдительности и душевнику есть что рассказать друг другу. Одного бы Дитр ему не рассказал — о том, каким было его главное дело. Нет, о том, кем был Ребус в своей изначальной, прошлой жизни, он никогда не расскажет этому хрупкому, пронизанному тусклым серебряным светом человеку. Никогда.

Шеф-душевник почувствовал, как тёплые руки тянут его обратно в разум. Он схватился за них, вцепился, прилип — и ухнул туда, где пока что находился. Молодой мужчина с седыми волосами и красными, как Эдта любит губами, спокойно держал его за плечи, чуть улыбаясь, — как ему никто уже давно не улыбался, как ему было нужно.

— Лучше бы я тоже овдовел, — буркнул он, дёрнув плечами.

— Чушь не неси, — Парцес убрал руки, перестав улыбаться. — Иди, тебя законник твой ждёт.

— Ага, — коротко шепнул Роформ и умчался.

Он бы тут всю жизнь торчал, но так рассуждая, можно и из материнской утробы никогда не выбраться. Собственно, он и не выбирался — его вырезали, чтобы мать не померла родами. Хотя бы лучше вырезали на пару терцев раньше и выбросили в канализацию — чтобы ему не приходилось сейчас пережёвывать её смерть, терпеть за-

конника с этим завещанием, с этой передачей черепов и ревущей сестрой, с этим всем.

Сестре он до последнего не рассказывал, зачем вызвал её из Кампуса. Пусть хотя бы лишние два дня побудят не сиротой, а счастливой девочкой. В горе она выглядела ужасно — лицо пошло пятнами, она не стеснялась плакать навзрыд над черепами родителей, поникшие кудри тряслись над широкими острыми плечами. У собравшихся хватило ума не пытаться её успокоить, даже у Эдты, которую первые восемь лет жизни растила мать-южанка, воспитав дуру жрать свою боль и пережёывать всемирными челюстями. Бывшая жена отца Тейла, законник, и тьма знает зачем взявшейся здесь хирург Дирлис были с севера, а варки считают, что боль по ушедшем во всемир близким должна выходить слезами. Иначе что ты за гражданин, раз не умеешь плакать о тех, кто был рядом? Так Роформма учила и мать, хотя сама плакать не умела. Не умел и он — потому что был «рал зэрэн», бракованным.

— Пожалуйста, — он подошёл к сестре, — отдавай мне черепа. Давай уложим их в ларец.

Зиромма послушно отдала ему черепа. Материнский был целёхонький, зато отец, вопреки гралейским традициям касательно самоубийства, застрелился, испортив селекционный череп. У Роформма тоже был револьвер, ему на свадьбу прислал его Барль из Церлоса — у доминионцев было принято дарить мужчинам на свадьбу оружие. Раз отцу можно, то чем Роформм хуже? Сестра поутихла, когда черепа оказались в деревянном ларце с узорными инкрустациями из серебра. Чмокнув девочку в лоб, он уселся к себе за стол, где за стульчиком для посетителей уже примостился законник, кое-как разложивший бумаги на захламлённой поверхности. Паук, котё-

нок эцесского охранного, выскочил из-под стола и улёгся на хозяйские колени, по-дружески заурчав.

Мать перед смертью оформила дарственную на отца, и тот уже распределял ценности исключительно от своего имени. Отец был отличным законником по наследственному праву, его завещания ещё ни разу не удавалось оспорить в суде. Но так как благородному господину пошло и подло думать о деньгах, завещания он писал за бутылку вина или за какую-нибудь услугу. Тейла в годы их брака безрезультатно с этим боролась, матери же удалось с ним справиться и заставить открыть нормальную практику, контролируя его гонорары.

Госпоже Тейле Пелее, «бывшей жене и хорошей подруге», была завещана шкатулка золота (с перечислением украшений), которое она так любит, сто тысяч союзных и водосвинка по кличке Шкот. Верру Нодору Барлю, подданному Церлейского Доминиона, ближайшему другу, — брачный кушак с вышивкой «в память о том, как мы оба его любили, и за то, что отдали ему нечто очень дорогое», семь пар запонок из драгоценных металлов с самоцветами и охотничьи ружьё. «Нечто очень дорогое», видимо, предполагало, что Урномм Ребус пускал его в кровать к собственной жене, а сам ложился с другой стороны, заключил Роформм.

— Господин Барль не выходит на связь, — признался законник. — Я писал, но пока что ответа не получил. Быть может, цензура, — ведь вы знаете, как у них проверяют почту... Но ваши родители сказали, что он не отвечает на их письма уже год, быть может, это связано с тяжёлой политической обстановкой в Доминионе, я не знаю...

В Доминионе настали странные времена. Сбежал Эцдомин, анонимный по традиции наследник Домина, как радостно доложили шпионы журналистам «Границы» и

«Далеко», а армейские верхи сцепились с тайной милицией и личной гвардией Гебля, Первого Гласа, Министра Репутации, шефа над шеф-глашатаями всей страны. Гебль, получивший влияние, расплодил собственных гвардейцев, и в Доминионе началось нездоровое брожение, грозящее гражданской войной. Казалось, бегство наследника в неизвестном направлении могло бы стать катализатором катастрофы, но всё замерло, словно Доминион тоже накрыл туман. Впрочем, Конфедерации и своих проблем хватало. Роформм беспокоился только о Барле, ведь он был членом их семьи — спал с его матерью, любил её и его отца. А Барль не отвечал на их письма. Быть может, и его затронула эта политическая дрянь, которую заварили силовики? Как-никак, Барль был армейским офицером.

Господину доктору Шорлу Дирлису, «помимо гонорара за последнюю услугу», завещалось десять тысяч союзных.

— Я больше не твой должник, — сухо бросил Дирлис. Роформм кивнул, покосившись на его руки. Вид у хирурга был неважный, как и у всех из-за этого тумана. Но руки — с теми было что-то особенно не так. Уж как-то слишком судорожно он сжимал свою дорогую трость, и ногти у него были слишком светлыми. С руками знаменитого хирурга, о которых писали «Ремонтник», «Горный свет» и даже «Союзный гранит», приключилось нечто совсем смертельное, но Роформма он о помощи просить не хотел. В столицу из Акка Дирлис притащился, скорее всего, не столько за завещанием, которое ему, богатому доктору, погоды не делало, а к Равиле.

Все ценности в виде долей в предприятиях и недвижимости на территории Конфедерации переходили омме Зиромме Ребусе, несовершеннолетней дочери, под патронажем госпожи Эдты Ребусы, в девичестве Андецы, невестки.